

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РУССКИМ ЯЗЫКОМ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны отдельные грамматические категории и формы современного русского языка или активизировались, или обнаружили некоторые изменения в своем стилистическом использовании. Анализом соответствующих явлений, связанных с поисками более точных форм выражения, полностью подтверждается положение об устойчивости грамматического строя и о постепенном характере его изменений в соответствии с внутренними законами развития языка. В этом отношении характерно, например, что многие грамматические «повшества», появившиеся в языке в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, вскоре же исчезли из языка, так как не соответствовали его грамматическим законам и правилам (ср. ниже примеры из области «несклоняемости» слов).

В настоящей статье мы остановимся на некоторых явлениях частных изменений в категориях рода и числа, в склонении имен существительных, а также на некоторых изменениях в области употребления отдельных грамматических форм.

1. Из наблюдений над категорией рода

До революции социально активным лицом в нашей действительности был почти исключительно мужчина. Женщина без специального образования была хозяйкой и работницей в собственном доме, работницей и в чужом доме, в известной мере — пизовой работницей чужого поля, завода и фабрики. В чужом доме женщина была нянькой, горничной, кухаркой, а в целом — «прислугой». Во дворе, в саду и в других подобных местах работал только мужчина: дворником, сторожем, конюхом, садовником.

Замужняя женщина обычно именовалась или по фамилии мужа, или, чаще, по его специальности, должности и пр.: *Семениха*, *Петриха*, *дворничиха* (жена дворника), *дьячиха*, *дьяковича*, *офицерша*, *полковница*, *генеральша*, *губернаторша*. Ср.: «*Староста* наш в канаву залез, *старостиха* в подворотне застряла, благим матом кричит»¹ (Тургенев, *Бежин луг*); «Обед готовила сама *начальница станции*» (Горький, *Скуки ради*).

«Завоевывая» права на пизные виды труда, главным образом несложного труда мужа, женщина сохраняла свое прежнее общественное название: так, *сторожиха* стало означать: 1) жена сторожа и 2) выпелняющая работу мужа-сторожа. Нам хорошо памятен запас словаря, родившийся на путях дифференциации: *сама сторожиха* и рядом — *сторожиха*.

Постепенно женщина начинает самостоительно (а не только вслед за мужем) выполнять разные мужские работы. Возникают профессиональные наименования, совпадающие с наименованиями по мужу, что ведет к неточности и затрудняет понимание. В связи с этим, а также вообще в связи с социальным расширением женщины называть ее по профессии мужа стали все реже и реже, и такие слова, как *сторожиха*, *дворничиха* и т. п., из названий по мужу становились названиями по личному социальному положению, по профессии или роду занятий. Другие названия по мужу, вроде *исправница*, *губернаторша*, *протопопича*, *купчиха*, после 1917 г. ушли в пассивный запас словаря. Процесс этот почти закончился к началу Великой Отечественной войны и совершенно закончился в годы военного времени.

Сейчас обычно женщине больше не называют по профессии мужа. Если нужно женщину назвать по мужу, в официальной речи говорят: *жена генерала*, *жена полковника*, *жена офицера*, *жена директора*, *жена профессора* и т. д.; слова *генеральша*, *профессорша*, *офицерша* теперь доживают свой век в просторечии, в семейном или шуточном употреблении.

¹ Здесь и в дальнейшем курсив в цитатах наш. — *Ред.*

Однако путаница в формах и способах обозначения женщины по профессии и специальности проявляется сейчас в другом. Женщина у нас целиком уравниена с мужчиной и в правах, и в трудовых обязанностях; тот и другая могут быть ударником, инженером, техником, поэтом, артистом, лауреатом и т. д. Многочисленные имена существительные мужского рода — названия профессий и социальных положений, которые раньше применялись только к мужчине, теперь стали применяться и к женщине. Язык ищет путей дифференциации, уничтожения создавшегося разнобоя. А разнобой здесь исключительный: *ударник* Петрова и *ударница* Петрова, *тракторист* Петрова и *трактористка* Петрова, женщина-*тракторист*, женщина-*трактористка* и т. д. О женщине говорят: *пришел врач, пришла врач, наш врач, наша врач...* К сожалению, писатели наши, иногда по явной небрежности, пишут часто крайне разнобойно. В рассказе В. Лидина «Дело №...» читаем:

«Кассир, немолодая и полногрудная Елена Ивановна, заходила в свою уединенную клетушку... Кассир взял из чемоданчика несколько пачек, разложила деньги по достоинству... И каждый, кто видел ее пухлые руки, листообразные бумажки, ее пенснэ... — Кем была сорвана сегодня утром печать? — спросил инспектор кассира. Мной, как обычно, — ответила та с достоинством... Кассир ничего не вынес с собой, кроме обычной своей дамской сумочки...»

Если бы автор воспользовался уже приобретенным права гражданства термином «кассирша», то рассказ читался бы гораздо глаже. Такая настойчивость автора тем более непонятна, что на протяжении всего рассказа он пользуется аналогичным термином «курьерша». Да и «кассирша» все же появляется, хотя бы и в последней главе: «Кассиршу Елену Ивановну, постаревшую за эту неделю, вызвал к себе инспектор уголовного розыска...»

Несомненно плохо звучит: «Что сказать *врачу*, которая обязательно навестит?» (Былинов, Металлисты). Неужели мы в пределах богатейшего русского языка не можем обойтись без такой бессвязности?

У В. Ипбер — осознанная и, на наш взгляд, претенциозная игра слов, построенная на этом разнобое:

«На прощание я пыталась угостить своего пилота папиросами. Оказалось, она не курит. Я предложила полбутылки хорошего красного вина. Нет, она и не пьет. Тогда я, после минутного колебания, вытатила из кармана пальто непочатую губную помаду. И мой пилот не устоял: смущенно улыбаясь, взял.»

Куда идти дальше:

«Теперь он муж лауреата Сталинской премии», «Муж профессора политэкономии...», «Муж чемпиона...» (Из разговорной речи вузовских работников в 1943—1944 гг.).

Нелады с категорией грамматического рода замечены, попали в шуточные сценки и анекдоты. Не раз отмечалось это и в юмористической печати.

«Машиниста Степанова знаешь? — Еще бы! — Женился. — На ком? — На начальнике станции» («Крокодил», М., 1939, № 33).

Шуточная песенка о начальнике станции заканчивается словами:

«Нашего начальника Катенькой зовут...»

Или еще примеры:

«Когда кончится война, Трофим, пожеланием твоего сержанта на моем ефрейтор» («Крокодил», М., 1945, № 15—16).

«Теперь у нас в колхозе прибавится еще один старший механик. — Кто? — Муж нашего механика» («Крокодил», М., 1945, № 22).

Каковы же пути, по которым идет язык, устраивая разнобой и возможности двусмысленного понимания?

Один из таких путей — возникшие еще в конце XIX в. сложные образования типа *женщина-врач*; но это, повидимому, явление временное. В период борьбы за профессиональное равноправие мужские имена для обозначения женщин по трудовой деятельности были в известном смысле целесообразны и прогрессивны. Мы шли на трудные для речевой практики несогласованные сочтения типа *женщина-врач*, так как переживали стихийное стремление к уравниению правовых отношений мужчины и женщины. Однако такими сочетаниями нарушается один из основных грамматических законов нашего языка — закон согласования в роде и уподобления по формам рода. Поэтому такие образования сейчас явно идут на убыль.

Другой путь — суффиксальная дифференциация; он имеет большие преимущества. Суффиксальная дифференциация, опирающаяся на давнюю общеславянскую тра-

дицию, обеспечивает единство основы двух слов и одновременное четкое различие их форм и значений. Сейчас подавляющее большинство новообразований — названий женщин по социальному признаку или по профессии создается средствами суффиксации.

Явно распространяется подчинение женских наименований женскому типу склонения, не нарушаемое ни смыслового, ни грамматического единства сочетающихся слов (ср. *ударник Петрова* и *ударница Петрова*), и можно смело сказать, что мы вступили в период «начала конца» путаницы в родовой дифференциации названий мужчин и женщин по признакам профессии и специальности.

Разговорная речь всегда стремилась обойтись без сложных наименований типа *женщина-врач*. Так появлялись *докторша, докториха, докторица, врачиха* и т. д. Но подобные слова не могли стать терминологическими наименованиями; этому мешали стилистически окрашенные суффиксы. Однако в языке существовали суффиксы, лишенные специальной экспрессивной и стилистической окраски; это прежде всего суффиксы *-ица* и *-ка* (*ударница, учительница, лаборантка, ассистентка, студентка* и пр.). Из них первое место по употребительности среди новообразований принадлежит суффиксу *-ица*; суффикс *-ка* часто несет в себе эмоционально сниженный оттенок значения [ср. *лекарка, богомолка, торговка, гадалка, стряпка* (диал.) и т. п.]. В результате продуктивности и нейтрального значения суффикса *-ица* в годы революции и позднее, в годы Великой Отечественной войны, появились многочисленные новообразования: *аварийщица, автоматчица, бравощица, водительница, дальномерщица, дешифровщица, десантчица, дорожница, дружинница (сандружинница и пр.), забойщица, вентищица, калибровщица, колхозница, корзбейщица* (продавщица военторга на фронте; см., например, «Правду» 17 I 44), *летчица, минометчица, многостаночница, наводчица, разметчица, регулировщица, уборщица, физкультурница* и многие другие.

Второе место занимает суффикс *-ка*: *диверсантка, комбайнерка, ординарка-посыльная, партизанка* и др. Ср. просторечн.: «Она, *инженерка*, снова задержала нам подачу чертежей» (Былинов, Металлисты). Обычен суффикс *-ка* в сочетании *-ист-ка*: *мотористка, мористка, парашютистка, прибористка, проектористка, связистка, сигнальщица* и т. п. Менее активен способ субстантивации: *горновая* (женщина-горновой), *вожатая, звеньевая, военная, связаная, заводящая, раненая* и некоторые другие.

«Я уже теперь *старый военный*, — говорит Валя Тимофеева» («Известия» 19 VII 41).

И уже новое:

«Товарищ *военная* — окликнул меня звонкий женский голос» (Джигурда, Теплоход «Нахетия»).

Суффиксы *-ша* и *-иха* непродуктивны. Первый закрепился лишь в нескольких словах: *билетерша, кассирша, кондукторша* и некоторых других.

Название женщины по профессии, роду занятий именем существительным мужского рода — в целом явление менее частое, чем суффиксальные образования. Однако в некоторых своих функциях такие формы очень устойчивы и, вероятно, будут существовать и впредь. Прежде всего, названия профессий — имена существительные мужского рода одновременно являются у нас обозначениями родовых понятий (*genus*). Так, словом *работник* обозначается всякий работник — и мужчина, и женщина; ср. в устойчивых сочетаниях *научный работник, работники умственного труда, работники просвещения, партийный работник, работники связи* и т. п. Таким образом, понятие «работник» по своему объему значительно шире понятия «работница», и женщина имеет право на оба названия; ср.: Она — *работница* на фабрике; Наташа — *хороший работник*.

В современном языке, особенно в целях дифференцированного обозначения, все чаще и чаще встречаются союзные сочетания двух слов, которые называют и мужчин, и женщин, занимающихся одним видом труда. В годы войны, когда особенно возросли и умножились трудовые и боевые подвиги женщин, такие расчлененные обозначения в письменных обращениях, воззваниях, лозунгах и призывах стали почти нормой: Мы, *работе и работницы...*; *Колхозники и колхозницы...*; Наши славные *партизаны и партизанки...* и т. п.

Другим фактором, определяющим употребление существительного мужского рода для обозначения женщины, является момент стилистический. Когда мы говорим о выдающихся женщинах — героях, лауреатах, ученых, — мы чаще пользуемся существительными мужского рода как обозначающими лицо, человека вообще. На этой почве стало обычным не дифференцировать по роду названия административных и общественных должностей, высоких званий и т. д., особенно когда соответствующие существительные входят в устойчивые словосочетания терминологического характера (ср. *Герой Советского Союза, депутат, лауреат, директор, прокурор, начальник станции* и т. п.). Однако нет оснований думать, что и это явление «исключительно устойчиво». Так, герои и героини тыла и фронта уже фактически уравнили высокое значение этих слов.

Третьим фактором, которым определяется в ряде случаев отсутствие родовой дифференциации, является традиция тяжелого («мужского») труда и службы в армии.

Существительные мужского рода обычно оставались наименованиями для понадавшей на трудную, «мужскую» работу женщины. Однако распространение женского труда способствовало и распространению новых названий. Чем шире проникал женский труд в армейские учреждения, в действующую армию и в партизанские отряды, тем шире распространялись и женские названия военных профессий. Выше в списке наименований на *-ица* и *-ка* мы видели названия типа: *генитчица*, *разведчица*, *прибористка*, *радистка* и т. п.; сейчас уже пропала надобность в выражениях: *женщина-пулеметчик*, *женщина-минометчик* и пр.

Ясно, что процесс развития родовой дифференциации в рассматриваемом пласте лексики может быть лишь постепенным. Грамматические правила уточняются медленно, не сразу распространяясь на те или иные группы слов. В процессе непрерывной речевой практики народа язык совершенствует свои формы, вырабатывает более точные средства выражения. Однако бывают отражающиеся на языке моменты особого общественного напряжения, когда сложившиеся в речевой практике тенденции изменений, так сказать, всплывают на поверхность и становятся очевидными «для невооруженного глаза» наблюдателя. Именно таким периодом были годы революции и особенно Великой Отечественной войны по отношению к развитию родовой дифференциации в наименованиях званий, должностей и профессий.

II. Из наблюдений над категорией числа

В годы Великой Отечественной войны заметно активизировалось употребление форм множественного числа имен существительных. Обратной стороной этого явления было сокращение употребления форм единственного числа в отдельных его функциях и в определенных лексических группах — явление, уже раньше намечившееся в нашем языке.

Прежде всего формы множественного числа вытеснили из употребления формы единственного числа со значением обобщенности, собирательности. Ср.: На нас напал *француз* (1812); Наш *моряк* отважен. Так было раньше, так встречается иногда и теперь, но неизмеримо реже прежнего. Нормой наших дней в таких случаях является множественное число со значением широкого обобщения: На нас напали *фашисты* (1941); Наши *моряки* отважны².

Сравнительно широко в годы Великой Отечественной войны употреблялись в собирательном значении лишь некоторые имена существительные: *враг*, *неприятель* и т. п.: сведения о передвижении *неприятеля*; укрепление *неприятелем* высоты; *неприятель* отступил; *неприятель* готовит атаку и пр. Слово *враг* в собирательном значении переместилось в высокий стиль. В обычной речи чаще встречалось: *немцы*, *фрицы*, *фашисты* или конкретные терминологические наименования: *неприятельские автоматчики*, *неприятельские минометчики* и т. д. Высокая стилистическая окраска слова *враг* хорошо иллюстрируется следующим примером: в повести М. Алексеева «Солдаты» взволнованный Гунько с риторическим пафосом говорит:

«Да мне с моими солдатами, дорогой товарищ, не сегодня завтра придется лицом к лицу встретиться с *врагом*, вступить с ним в кровопролитный бой...».

«Нельзя ли спокойнее и проще», — проницательно просит Марченко. — Гунько обещает:

«Буду прощ»,

но продолжает ораторски:

«Да, вступить в бой! Так пусть же знают они этого *врага*».

Наконец, говорящий успокаивается, приподнятость тона исчезает, и речь идет уже не о враге, а о немцах:

«Что касается превосходства *немцев*, то не тебе, разведчику, говорить о нем». «Сейчас солдаты не поверят в превосходство *немцев*; они знают наши силы не хуже нас с тобой!».

Фрицем, *немцем*, даже *гитлером* часто называли вражеский самолет. Единственное число со значением собирательности здесь было бы совершенно невозможно: оно бы искажало смысл сообщения. В небе показался *фриц*; Бросились за *фашистом*;

² Следует отметить общую тенденцию к сокращению употребления имен существительных собирательных па *-ство*. Теоретически рассуждая, слова на *-ство* с собирательным значением могли бы и вновь возникать (*саперство*, *снайперство* и т. п.); но они не возникали, а старые аналогичные образования постепенно сужали сферу своего применения. В 1943 г. вернулось в активный словарь и стало широко употребляться слово *офицер* и производные от него, но мы ни разу не встретили в газетах или журналах слова *офицерство*. Не встречалось также и слово *учительство* с собирательным значением и почти не встречалось слово *студенчество* (норма: *студенты*).

Окружили *гитлера* и т. д. — все это несомненно воспринималось в значении единственного «конкретно-единичного».

Случаи единственного числа типа *фашист напал* в годы войны нами почти не отмечены. Нормой было: *Бьем фашистов (фрицев); Фашисты (фрицы) бегут; Фашисты (агрессоры) напали и т. д.* — всегда во множественном числе. Употребление форм множественного числа в собирательном значении удобно тем, что эти формы и обобщают, и одновременно дают возможность расчленившегося представления о предмете; ср.: 1) Вот показала вражеская *пехота*; Отличилась наша *артиллерия* и 2) Вот показала наши *пехотинцы*; Отличилась наша *артиллеристы*. Вероятно, в силу именно этого значения, связанного с интересом к личности, к отдельным людям, форма множественного числа терминологических наименований постоянно употреблялась в речи о наших войсках и о наших героях, в то время как формы единственного числа с собирательным значением для соответствующих слов сравнительно часто появляются в речи о вражеских войсках. В то же время пужно отметить, что формы множественного числа со значением обобщения широко употреблялись и для выражения эмоционально-отрицательной оценки. Десятки раз в каждом номере газеты встречались слова: *фашисты, гитлеровцы, фрицы, изверги, варвары, вандалы, грабители, звери* и почти не было форм единственного числа: *фашист, гитлеровец, фриц, изверг, варвар, вандал*.

Из сказанного вытекает, что множественное число расширялось: 1) за счет единственного со значением обобщения (*Враги жестоки* вместо *Враг жесток*) и 2) за счет собирательных существительных (*офицеры* вместо *офицерство*). Ср.:

I

Не всегда точные, иногда разбойные, ныне устаревшие, но еще возможные формы (наши варианты):

В борьбе с жестоким врагом участвуют представители всех видов оружия. *Пехотинец, артиллерист, минометчик, сталинский сокол — советский летчик, танкист и конник*: всем им советский народ дает наказ стойко защищать каждую пядь родной земли.

II

Новые формы, абсолютно преобладающие в годы Великой Отечественной войны:

«В борьбе с жестоким врагом участвуют представители всех видов оружия. *Пехотинцы, артиллеристы, минометчики, сталинские соколы — советские летчики, танкисты и конники*: всем им советский народ дает наказ...» (*«Правда»* 29 X 42).

Примеров типа II можно привести очень много. Со значением собирательности только во множественном числе нам встретились в годы войны существительные *командир, конник, десантник, парашютист* и др.

В значении собирательности встречались (редко) сложные термины-сочетания со словом *боец*, например, в заголовке брошюры: «Программа подготовки *бойца-автоматчика*» (1942); но в самой программе в том же значении последовательно употребляются формы множественного числа:

«Обучение *бойцов-автоматчиков* проводить с учетом опыта боевых действий в Великой Отечественной войне отдельных подразделений, красноармейцев, командиров и политработников, обращая особое внимание на привитие *бойцам* строжайшей воинской дисциплины».

Характерно, что с оттенком значения собирательности формы единственного числа употребляются чаще от имен существительных, называющих лиц, по характеру своей военной профессии действующих в одиночку. Множественное число было бы здесь часто просто нелогично:

«*Снайпер — боец-одиночка*, где засел, там и огневая точка» («Сов. воин» 23 II 45); «*Снайпер — боец с высшим стрелковым образованием...*» («Известия» 3 VI 44); «*Снайпер — это боец-невидимка для врага*» (Бакан, Два снайпера); «Оберегает наши коммуникации, дороги и транспорт *боец-дорожник, боец-регулирущик* и на углах дорог *зепятчики*» («Правда» 30 V 42).

III. Явления «несклоняемости» слов

1. По ряду причин в годы первой мировой войны и в первое десятилетие после Великой Октябрьской социалистической революции в нашем языке расширилась группа несклоняемых сложносокращенных слов. Однако развитие «несклоняемости» явно противоречило всей морфологической структуре нашего языка; реальной общественной необходимости в таких формах не было, и язык последовательно освобождался от этих чуждых ему явлений. Великая Отечественная война началась в годы почти завершившейся стихийной очистки языка от несклоняемых сложносокращенных слов.

Несклоняемых слов типа *предисполкома, замага, завдома, заветра, завиколой, завстоловой* теперь уже не осталось. Вернувшись в речевую практику слова *директор, заведующий* (без сокращения) освободили нас от этих новообразований; в некоторых случаях это освобождение шло через ступень изменения формы сложносокращенного слова, например: *завдом, замаг* (ср. у Макаренко *завкол* — заведующий колонией). В устной речи на путях освобождения от несклоняемых слов возникли также склоняемые, представляющие собою первый элемент сокращения: *пред, зав, замаг* и т. п. Оставшаяся небольшая группа несклоняемых сложносокращенных слов типа *ОНО, ГТО, МГУ* и т. п. не обнаруживает тенденций развития и пополнения.

Сложносокращенные слова, оканчивающиеся на согласный, склонялись по образцу существительных мужского рода почти со дня их рождения, но писались первично с апострофом. Примером могут служить слова *дот* и *дзот*. Слово *ДОТ* (в такой графической форме), расшифровывающееся как сокращение сочетания «долговременная огневая точка», появилось незадолго до начала Великой Отечественной войны. В случаях склонения слово писалось с апострофом: два *ДОТ'а*, линия укреплена *ДОТ'ами* и т. п. Однако вскоре же слово начало употребляться как обычное склоняемое: *дот, дота, доту* и т. д. В отрывном календаре 1943 г. (вышедшем в середине 1942 г.) читаем:

«Возводятся *доты* самых различных форм и конструкций»; «В таком *доте* находится всего лишь два — четыре человека...»; «Вокруг *дотов* сооружаются противотанковые заграждения...» и т. п.

Слово *ДЗОТ* — «деревоземляная огневая точка» — мы отметили в первый раз в информативном сообщении от половины июля 1941 г.:

«Отряд установил проволочные заграждения, соорудил *ДЗОТ'ы* («Известия» 11 VII 41).

Со второй половины 1942 г. слово *дзот* склоняется по нормам русского языка³. Случаи несклоняемости редки.

2. В годы Великой Отечественной войны в служебных документах, особенно в военных, в целях наибольшей точности не склонялись такие фамилии, склонение которых могло повести к двусмыслице и ненужным ассоциациям. Например:

«Овладев Люблиным, танкисты генерала *Орел* повернули на северо-запад» («Известия» 1 VIII 44); «Товарищу *Лопата* Сергею Ивановичу» («Правда» 17 II 44); «О присвоении воинского звания тов. *Лев* Моисею Яковлевичу» («Известия» 17 XI 43).

В официальных списках лиц, получавших награды, в «Правде» и в «Известиях» за 1941 г. не склонялись подобные фамилии в случаях, когда в соответствующих существительных с окончанием на согласный звук имеется беглый гласный (*Орел, Волчек, Кобец, Сербовец, Везиновец, Москавец, Канашонок*), и склонялись, когда такого беглого гласного не было (*Бирож, Зуб, Обруч, Кучер*)⁴.

В «Правде» (9 IX 41) не склонялись фамилии на *-ич*, к чему мы не видим достаточных оснований: *Гирич, Тарасевич, Гуревич, Айзенкович, Янушкевич* и пр. В «Известиях» (2 IX 41) не склонялись фамилии: *Башко, Величко, Гуго, Замото, Луценко, Падило, Серко, Тризно* и др. Не склонялись — новое явление, в известной мере оправданное стремлением к точности, — фамилии на *-енок*: *Макаренко, Горбенко, Михайленко, Казаченок, Никитенок* и т. п. Поскольку косвенные падежи фамилий типа *Макаренко, Казаченко, Никитенко* не дают возможности отличать их от соответствующих форм фамилий типа *Макаренок, Казаченок, Никитенок*, постольку отмечается тяготение к неизменению и тех и других: *у Макаренок, у Макаренко*.

Как правило, в документах перестали склоняться фамилии на *-енко* (типа *Шевченко*). Однако в разговорной речи подобные фамилии склоняются. Правильно поступает акад. Л. А. Булаховский, рекомендуя склонять их. Со склонением фамилий у нас вообще до сих пор не все благополучно: не все случаи учтены, нет полной и обязательной нормализации. Однако нет достаточных оснований утверждать, что у

³ Слово *дзот* по значению компонентов должно было бы быть женского рода (как пока женского рода *ООН*), однако оно рано стало словом мужского рода, что объясняется не только формой, но и изменением значения; ср.: «Они карабкались с камня на камень, с террасы на террасу, под стволами железобетонных дотов и тяжелых каменных *дзотов*. Это было восхождение к Севастополю» (Величко, О великом и вечном). Ср. также в женском роде: «Обнаружить немецкую *ДЗОТ*, которая сооружена летом и теперь покрыта снегом, можно только во время стрельбы из нее» («Красная звезда» 24 XII 43).

⁴ Впрочем, в «Правде» (12 IX 41) даны без склонения фамилии *Чигирь, Шестак, Мельник, Дубовик*.

нас есть тенденция не склонять фамилии и что эта тенденция окончательно укреплена языковой практикой эпохи Великой Отечественной войны.

3. В официальных военных и информационных документах (особенно начиная с 1943 г.) — по тем же мотивам стремления к точности и недвусмысленности — наметилась тенденция не склонять собственные географические названия, в первую очередь — названия пунктов, очень сходные по звучанию с названиями других близко расположенных селений. [На Дону, например, обычны сходные названия различных населенных пунктов: Морозовская, Боковская (станции) и Морозовский, Боковский (хутора) и т. п.] Этим обеспечивалось безошибочное нахождение нужных географических пунктов на карте, точное исполнение приказов и т. п.

В оперативных сводках часто встречались географические названия в несклоняемой форме даже в конструкциях с предложениями типа: Отряд достиг *Софиевка* и т. п.

У Вирты в его хроникальной «Сталинградской битве»:

«Сосредоточиваем мы две сильные группировки в районе *Боковский...*»; «Ударная группа наносит удар в направлении *Боковская — Морозовский*»; «Соединились сегодня в районе *Советский*»; «На берегу реки *Мышковская...*» и т. д.

В сообщении Совинформбюро (19 декабря 1942 г.):

«На днях наши войска, расположенные в районе среднего течения Дона, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада на участке *Новая Калитва-Монастырщина* и с востока — в районе *Боковская*.

Примеры из официальных документов, очерков и даже из художественной литературы 1943 и 1944 гг. можно было бы значительно умножить, но в целом это явление временное и воздействовать на наш общепародный язык оно не могло. С окончанием войны описываемые формы исчезли и из газет.

Очень распространены у нас согласованные сочетания типа: село *Иваново*, село *Петрово*, село *Зимино*. Спрашивается, как будет именительный падеж сочетания: в селе *Давыдове*? Пятнадцать человек, опрошенных нами, не задумываясь ответили: «село *Давыдов*». И однако все они ошиблись. В районе г. Львова есть село *Давыдов*. Возможно, что где-то близко есть и село *Давыдово*. Как в условиях, например, военного времени, сохраняя всю необходимую точность сообщения, передать, что случилось в этом селе? Газета «Известия» (28 X 50) нашла для данного случая выход в «несклоняемости» этого слова: «...в селе *Давыдов*». Здесь стремление к смысловой точности и краткости подчинило себе форму слова вопреки грамматической структуре языка. Выход можно бы было найти, например, в выражении: В селе, называемом *Давыдов*, но пострадала бы четкость и краткость сообщения. Нам кажется, что общественность должна в известной мере вмешиваться в дело географической номенклатуры и не разрешать произвольно именовать населенные пункты. Например, существовало село *Иваново* — и это было сказано по-русски; теперь это город, даже областной, и название у него, с точки зрения грамматики, нелепое: *Иваново областной*. Подъезжая к этому городу, вы читаете: «*Товарная Иваново областной*» — так гласит одна из вывесок, не претендующая на юмор. Название *Иваново*, вопреки правилам грамматики, не склоняется. Например, «*Правда*» (28 X 50) пишет: «На театральных подмостках *Иваново*». Отметим, как совсем новое: «*Литературное Иваново*» — название книги Г. Горбунова («*Правда*» 31 V 53).

4. Стремление к точности обозначения выражается в современном русском языке в тенденции не склонять числительные — слова, по своему значению более других точные и всегда однозначные. В устной речи уже господствует недавно еще не допустимый вариант: *по пять человек, по сорок пять* и т. п.⁵ В 1944 г. по требованию работника связи автор этих строк вынужден был написать под его диктовку: «Дана сия расписка в получении *одна тысяча двести рублей...*» Разъяснения, что надо писать: «...в получении *одной тысячи двухсот рублей*», не имели никакого успеха: «Так не полагается».

Не склоняются числительные в условных обозначениях: *T-34* «танк тридцать четыре», *У-2* «самолет „У-два“», *штарм-62* «штаб шестьдесят второй армии», *комбат-4* («комбат четыре») «командир четвертого батальона» и т. д. Однако эти случаи носят особый характер: числительные здесь — своего рода марка, условное наименование предмета.

«Есть предложение принять в партию боевого *комбата три* товарища Преображенского...» («*Правда*» 24 XII 41).

⁵ Ср. диалектное (Ярославль — Горький — Киров): без *пятнадцать*, без *сорок пять*.

«Приходит коренастый, немолодой уже Кашпель — *комбат два*... Людей сейчас снимать? — тихо спрашивает близорукий, похожий на ученого, *комбат три*» (Некрасов, В окопах Сталинграда).

«Боевое задание Штарма *шестьдесят два*» (Вирта, Сталинградская битва).

Такие сочетания употреблялись и раньше (ср. дом *четыре*, квартира *пять*), но в годы войны они активизировались. Конечно, *У-два* звучит не по-русски; не случайно употребление таких конструкций ограничено узкой сферой специальной речи. Устная народная речь находит здесь остроумный выход: количественное числительное заменяется соответствующим собирательным и вместо *У-два* появляется *У-двойка*⁶.

В целом явления активизации «несклоняемости» в годы Великой Отечественной войны были не очень значительны; они не затрагивали основных грамматических норм языка и носили временный характер.

IV. Из наблюдений над употреблением форм времени

В настоящем разделе мы остановимся на явлении, которое условно может быть названо «развернутым настоящим». Явление это не только грамматическое, но и стилистическое. Заключается оно в двойном или тройном повторении одного и того же глагола в разных временных формах для обозначения постоянного, длящегося действия: *Били, бьем и будем бить*; *Это было, есть и будет!* Это своего рода развернутое настоящее-постоянное, — настоящее, распространяющееся и на прошлое, и на будущее⁷. Еще выразительнее вариант с формой настоящего времени на первом месте: *Бьем, били и будем бить*. Здесь напрашивается знак деления (двоеточие) — *Бьем: били и будем бить*. Сила данной конструкции в ее лаконичности и в свойственном ей общем значении постоянства, обязательности и неизбежности действия.

Рассматриваемый способ расчленения настоящего постоянного не нов в языке⁸; но в современной публицистической речи он развивается и обогащается эмоционально. В годы Великой Отечественной войны эти формы так активизировались, что стали одним из ярких грамматико-стилистических элементов публицистической речи.

Мотивируется этот прием стремлением к лаконичной, сильной и точной форме выражения. Сила и лаконичность выражения создаются повтором, обязательной не распространенностью всей конструкции и лексическим совпадением слов, точность — «расчленением» настоящего постоянного на его составные временные элементы.

Вот некоторые характерные примеры «развернутого настоящего»:

«Фашистам, зарывшимся в землю под Ленинградом, еще предстоит сплнить в этой земле, а Ленинград *жил, живет и будет жить* во веки веков бессмертной жизнью» (журн. «Красноармеец», М., 1943).

«Умрем, но Ленинграда не сдадим! Ленинград *был, есть и будет* советским городом!» («Правда Востока» 9 IX 41).

«*Чувствует и будет чувствовать...*»; «*Развертывается и еще развернется* война...»; «*Не имеет и не может иметь...*»; «*Соппротивление растет и будет расти...*» («Правда» 11 VIII 41).

В частушках Б. Озерного:

Мы идем путем победы,
Нашей воли не сломить.
Мы фашистских людоедов
Били, бьем и будем бить!

⁶ Следует признать, что такая замена может быть удачной лишь тогда, когда заменяемое числительное — простое. В противном случае замена последней части сложного числительного соответствующим собирательным также не отвечает грамматическим нормам русского языка, например: «Товарищ сержант, — доложил чей-то радостный голос, — *тридцать четверка* № 315 прошла испытание отлично» («Правда» 20 II 44); «*Шестидесятка*, доставляя ему снаряды, захватила с *тридцать четверки* раненого стрелка» («Правда» 8 III 44); «Высокая честь находится в советской *тридцать четверке*» (Леонов, сб. «Статьи военных лет»).

⁷ С точки зрения синтаксической функции такие глагольные формы являются одним сказуемым (а не однородными членами), представляя собой своеобразное расчлененное единство.

⁸ Ср. у Державина: «Ты *был, ты есть, ты будешь* вовек» (ода «Бог»); у Левитова: «Этот подкидыш — *был, есть и будет* царевной моего одинокого сердца» («Нравы московских улиц»); у Горького: «Дети всегда *были, есть и будут* пачалом новой жизни, носителями новых сил» («Исповедь»). С. М. Киров писал: «Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги *было, есть и будет* советским» (Киров, сб. «Статьи и речи»).

В частушках Резанкина:

Наш напор несокрушимый
У врага побавил прыть.
Мы врагов страны любимой
Били, бьем и будем бить!

«Советские летчики били, бьют и впредь будут бить фашистскую свору» («Известия» 29 X 41); «Русские били немцев, бьют и разобьют их» («Правда» 18 XI 41).

«Старый немец приехал в Орел и оттуда сообщает: „Я первая ласточка — мне поручено выяснить, какие надежды нужно будет выдавать нашим колонистам“. Этот хрыч не понимает, что он первая и последняя „ласточка“: таких „ласточек“ мы били, бьем и будем бить» (Эренбург, Война).

«Мы начали побеждать и будем побеждать. Мы будем побеждать и победим, потому что у нашей доблестной Красной Армии есть неиссякаемые резервы» («Правда» 22 XII 41).

«Их гонят на запад... Их гонят и будут гнать, пока не прогонят последнего, захудалого» (Эренбург, Война).

«Под огнем нашей артиллерии наши, находят и будут находить себе смерть многие полки и дивизии немецко-фашистских войск» («Известия» IX 41).

«Украинский народ остался верен советской власти, верен великой дружбе народов, верен партии Ленина — Сталина. Украинский народ шел, идет и неизменно будет идти за большевистской партией. Его путь к победе — борьба, неумолимая борьба в едином боевом братском союзе всех народов нашей Родины» («Десятая сессия Верховного Совета СССР 28 января — 1 февраля 1944 г. Стенограф. отчет).

«Мы вместе с вами куем и будем ковать победу над ненавистным врагом» [Из обращения рабочих к Армии («Комсомольская правда» 24 X 42)].

В наши дни:

«Поэзия Маяковского идет и будет идти в боевом строю советского народа, создающего коммунизм. Страстное слово поэта-трибуна звучит и будет звучать века» («Правда» 2 III 53).

Особенно часто в этой своеобразной грамматической конструкции выступает именное сказуемое со связкой.

«Город Ленина был, есть и будет неприступной крепостью...» («Известия» 7 IX 41).

«Мы были, есть и будем хозяева своей судьбы» («Правда» 5 XII 41).

«Артиллерия была, есть и будет одним из основных средств борьбы с фашистскими танками» («Красная звезда» 17 V 42).

«Они много раз вались на своих «Юнкерсах» и «Мессершмиттах» к нашему городу. Но ленинградское небо было, есть и будет советским небом» (Инбер, Почти три года. Ленинградский дневник).

«Рубеж был и будет нашим, — поклялись бойцы» («Правда» 22 IX 41).

К рассматриваемому типу конструкций относятся и такие, в состав которых, в качестве одного из элементов, входят модальные глаголы или предикативные наречия с модальным значением, например:

Мы можем и должны выполнить эту задачу; Мы можем и должны победить;

«И, слушая эти преисполненные уверенности сталинские слова, каждый советский человек... сердцем и разумом чувствовал, знал и верил: да, так и будет! Мы победим, мы можем и должны победить!» (сб. «Боевые годы», изд. «Молодая гвардия»).

V. Из наблюдений над употреблением деепричастий

В речевой практике напряженных лет войны как-то по-новому была осознана выразительная сила категории деепричастия. Наши наблюдения показывают, что потребность сказать обо всем важном как можно короче и как можно ярче и полнее вызвала

активизацию уточняющих форм: определенней-прилагательных при существительных, наречий и деепричастий при глаголах.

Вот перед нами небольшая статья М. Григорьева и Я. Макаренко «Сила движения» («Правда» 12 III 44). Здесь читаем:

«Неотступно преследуя врага, дробя и расчленяя его фронт, наступающие части Красной Армии безостановочно движутся вперед. *Преодолевая* бездорожье и ожесточенное сопротивление немцев, советские полки за последние дни освободили сотни сел»; «*Подбросив* сюда значительные силы, немцы стремятся во что бы то ни стало задержать наши части»; «Чтобы предотвратить дальнейшее продвижение наших войск, немецкое командование сосредоточило под Старо-константиновом на узком участке крупные танковые силы и, *ведя* их в бой, на протяжении нескольких дней пыталось восстановить положение»; «*Открыв* огонь, бронейбойчики подбили 2 бронетранспортера и отразили контратаку»; «Наступление растет и ширится, *проникая* все глубже на юг Украины, грозя *нависая* над южной группировкой немцев»; «*Обрушившись* на обороняющиеся под Тарнополем немецкие войска, наши танки и пехота ворвались в город с севера и востока»; «*Стремясь* во что бы то ни стало удержать город, немцы подтянули резервы и перешли к еще более яростным контратакам»; «*Преодолевая* упорное сопротивление и многочисленные контратаки противника, наши подразделения очищают улицу за улицей, *нанос*я при этом немцам большие потери в живой силе»; «*Отравив* немецкую пехоту от танков, советские бойцы разбили немцев, *уничтожив* при этом несколько десятков солдат и офицеров и *захватив* пленных»; «*Преследуя* немцев, батальон захватил один танк и 6 автомашин».

Подобных примеров активизации употребления деепричастий можно было бы привести очень много. Очевидно, в непосредственной связи с этой активизацией деепричастий они начали завоевывать некоторые права и на почти самостоятельное употребление. Мы говорим о новом типе деепричастных заголовков в газетах и журналах. Такие заголовки встречались и в довоенное время, но в начале войны они стали появляться чаще и особенно распространились начиная с 1943 г. Это было как бы своего рода увлечением⁹. Вот несколько примеров:

«*Защищая* родную Москву» («Правда» 31 X 41); «*Заменяв* мужчин» («Известия» 8 III 42); «*Не давая* врагу передышки» («Правда» 4 VIII 43, «Правда» 13 III 44); «*Развивая* наступление» («Правда» 10 III 44); «Неотступно преследуя врага» («Огонек», М., 1943, № 5); «*Отбивая* контратаки врага» («Правда» 23 VIII 43); «*Отбивая* вражеские контратаки» («Правда» 19 I 44); «*Опираясь* на актив...» («Известия» 14 XII 43); «*Оперезая* график» («Правда» 16 X 44); «*Сжимаемая* кольцо» («Правда» 16 IV 44); «*Тесня* и *уничтожая* противника» («Сов. воин» 30 XI 43); «*Используя* каждый час» («Известия» 27 IV 44); «*Преодолевая* сопротивление врага» («Сов. воин» 9 XII 44); «*Поддерживая* наземные войска» («Правда» 2 VIII 44); «*Не отрывая* пера» («Пион. правда» 1 I 45).

Наиболее частым из таких заголовков в 1943—1945 гг. было «*Ломая* сопротивление врага». Нужно отметить, что уже в 1945 г. такое самостоятельное употребление деепричастий значительно сократилось. Следует признать, что в этих заголовках была большая выразительность и большая эмоциональная сила, внутренне связанная с темпами и напряжением военных лет. Это была осознанная попытка найти еще одно средство сильного и краткого выражения.

В устной речи подобные явления, повидимому, невозможны, и мы их не слышали. Сейчас случаи самостоятельного употребления деепричастий единичны [см. заголовок «*Вдумываясь* в цифры» в «Лит. газете» (24 VII 52)]¹⁰.

В настоящей статье мы остановились лишь на некоторых явлениях, связанных с изменениями внутри отдельных грамматических категорий и с активизацией некоторых грамматических форм. Несомненно, что современный русский язык во всех своих сторонах дает материал для изучения постепенных изменений его грамматического строя.

А. В. Миртов

⁹ Сначала такие заголовки заканчивались многоточием, позже стали даваться без всякого знака.

¹⁰ В годы войны вообще распространились лаконичные заголовки — словосочетания или предложно-именные конструкции; например, в газете «Сов. воин» 1943—1945 гг.: «Штыком и прикладом» (22 VIII 43); «Саперной лопатой» (29 IX 43); «Огнем, штыком и прикладом» (22 X 43); «Огнем и колесами» (8 XII 44); «Прикладом винтовки» (14 XII 44); «Прикладом и гранатами» (4 I 45); «Огнем и гранатами» (18 III 45); «Штыком и гранатой» (8 I 45); «Огнем и гусеницами» (21 III 45); «Прямой наводкой» (12 IV 45) (так в ряде газет назывался отдел сатиры); «Из трофейного оружия» (6 VIII 44); «Из снайперской винтовки» (19 IV 45) и т. д.